

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ТЮРКСКИЕ
И
МОНГОЛЬСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования**

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

Н. С. ЯХОНТОВА

ОЙРАТСКИЙ ПЕРЕВОД МОНГОЛЬСКОГО СОЧИНЕНИЯ
"КЛЮЧ РАЗУМА"

В 1648 г. крупный политический и религиозный деятель Зая-пандита Намхайджамцо создал алфавит "ясное письмо". С этого момента у ойратов — западномонгольских племен — появилась своя собственная письменность и литература на ойратском языке. До этого они, так же как и другие монгольские племена, читали и писали на старописьменном монгольском, использовавшем уйгуро-монгольскую графику. Новый алфавит, построенный на основе того же уйгуро-монгольского, устранил полифонию последнего, почему и был назван *тодо бичиг* "ясное письмо". "Ясное письмо" быстро распространилось среди ойратов и калмыков. Этому в немалой степени способствовала переводческая деятельность Зая-пандиты, который за короткий срок перевел с тибетского на ойратский около двухсот различных сочинений. Его дело продолжили его ученики, а позже на ойратском языке стали создаваться оригинальные сочинения, в первую очередь исторические хроники.

Ойратский литературный язык был создан на основе старописьменного монгольского, но между обоими языками есть существенные различия; первый отражает более поздний этап в развитии монгольских языков. Важнейшей чертой этого периода является развитие в живой речи монголов долгих гласных. Они образовались на месте существовавших в старописьменном монгольском языке сочетаний с согласными -ү-, -g- и -у- в интервокальном положении и были закреплены ойратской письменностью. В ойратском литературном языке наблюдаются и некоторые другие отличия от старописьменного монгольского, связанные с историческими изменениями в фонетике и в меньшей степени — в грамматике, имевшими либо общемонгольский, либо специфически западномонгольский (ойратский) характер.

Между произносительными нормами, отраженными в ойратском литературном языке, и нормами старописьменного монгольского существуют регулярные соответствия, которые теоретически позволяют "вывести" из монгольского слова ойратское.

Несмотря на близость обоих языков, между монгольскими и ойратскими текстами одних и тех же сочинений имеются существенные различия. Это вполне понятно, когда речь идет о переводах с тибетского. Переводы канонических текстов, выполненные Зая-пандитой, отличаются от монгольских переводов тех же сочинений выбором лексики, способом передачи имен собственных и географических названий, преимущественным употреблением тех или иных грамматических форм, порядком слов. Зая-пандита опирался непосред-

ственно на тибетский текст, не учитывая уже существовавшие переводы этих сочинений на монгольский язык. Его переводы отличает строгое следование тибетскому оригиналу, и их язык в некоторой степени подвержен влиянию тибетского.

Переводы с монгольского находятся в другом положении. Переводчик теоретически мог, пользуясь немногочисленными формальными правилами, переписать сочинение на новый графике, учтя необходимые фонетические изменения и заменив немногие устаревшие грамматические формы новыми, ставшими нормой в ойратском. Ссылаясь на это, некоторые исследователи склонны считать ойратские переводы именно такими механическими переложениями со старописьменного монгольского. Однако между переводами на ойратский, сделанными со старописьменного монгольского языка, и монгольскими оригиналами также существуют расхождения. Интересно попытаться выяснить их характер и причины.

Для исследования был взят текст "Oyoun tülküür" — ойратский перевод монгольского сочинения "Oyun tülkigür" — "Ключ разума".

"Oyun tülkigür" — "Ключ разума" (полное название: "Cinggis boγda-yin nomlaysan oyun tülkigür neretü sudur orosiba" — "Сутра под названием „Ключ разума, преподанный святым Чингисом") является оригинальным монгольским сочинением жанра сургалов (поучений, наставлений). Оно было широко распространено в Монголии, о чем свидетельствует существование большого числа рукописей этого сочинения; по словам Ц.Дамдинсурэна, "Ключ разума" являлся пособием по нравственным правилам поведения, и его предполагалось читать с детьми, обучавшимися грамоте, сразу после освоения ими букв алфавита [6, с. 58]. По содержанию это сборник поучений и наставлений. Полное название сочинения прямо указывает на его автора — Чингис-хана. Однако, по словам Г.И.Михайлова, "это всегo-навсего лишь одна из многочисленных легенд, приписывающих Чингис-хану то, что он никогда не делал" [2, с. 69]. Действительно, в тексте имеются наставления буддийского содержания, которые явно не могли принадлежать Чингис-хану. Вполне вероятно, что имя Чингиса было поставлено в заглавии для придания поучениям большего значения, следуя существовавшей в Монголии традиции приписывать сочинения выдающимся личностям. Так или иначе, истинный автор остается неизвестным.

Точное время создания сочинения также неизвестно. Ц.Дамдинсурэн относит его к XIII в., признавая, что поучения буддийского характера были добавлены позже [1, с. 85—86]. Г.И.Михайлов полагает, что "Ключ разума" был составлен в XVII или XVIII в. [2, с. 69]. По-видимому, окончательная редакция этого сочинения относится к XVII в., но вполне вероятно, что она основывалась на более раннем тексте.

Структурно сочинение делится на две части, причем вторая, меньшая по объему, помимо наставлений содержит также восхваления самой сутры и обещание всевозможных

благ тем, кто будет следовать ее предписаниям. Наставления сутры адресованы как ханам, ханшам, нойонам и чиновникам, так частично и простым аратам. Например, ханам даются рекомендации по мудрому управлению государством — надо заранее и тщательно обдумывать свои поступки, заботиться о подчиненных, учиться разбираться в людях, плохим не доверять и избегать их, а хороших к себе приближать, следовать законам государства, почитать религию и т.д. Многие другие заповеди носят общечеловеческий характер — не лгать, не воровать, не пить водку, не хитрить, не изменять данной клятве, почитать родителей; имеются советы, как воспитывать детей, выбирать жену, как строить отношения с другими людьми, в частности рекомендуется не ссориться с родственниками. Сутра разъясняет пользу учености, восхваляет мудрых и осуждает глупых, призывает учиться всю жизнь. Значительное место занимают поучения религиозного характера (о почтении к духовенству, о необходимости давать подаяние, совершать другие добродетельные дела и отринуть греховные деяния), а также пожелания посвятить себя Учению и Будде, советы, как получить хорошее перерождение.

Ц.Дамдинсурэн выделяет в этом сочинении три части [6, с. 58]. Первая, по его мнению, содержит поучения самого Чингис-хана с более поздними добавлениями буддийского характера. Во второй части прослеживается влияние "Субхашиты", которое в третьей части (в нашем делении — второй) ощущается наиболее сильно. В частности, в ней кратко излагается сюжет об осле в леопардовой шкуре, имеющийся в "Субхашите". Там же есть упоминание сюжета о Коте-наставнике из "Рашияну дусал", сочинения, которое, подобно "Субхашите", было широко распространено в Монголии. Как считает Ц.Дамдинсурэн, вторая и третья части появились позже первой.

Сочинение "Ключ разума" давно привлекало внимание монголистов. Его текст (сокращенный) включен в "Монгольскую хрестоматию для начинающих обучаться монгольскому языку" А.Попова [5]. Отдельные выдержки из него приводятся также в хрестоматии А.М.Позднеева [4]. Сочинение переводилось на русский язык, но автор перевода И.А.Подгорбунский пользовался текстом из хрестоматии А.Попова, поэтому его перевод неполон [3, с. 93-100]. Полный текст "Ключа разума" с комментарием включен в антологию Ц.Дамдинсурэна "Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orosibai" — "Сто лучших образцов монгольской литературы" [6, с. 51-58]. Специальных исследований, посвященных "Ключу разума", нет, но это сочинение рассматривается во всех работах, посвященных истории монгольской литературы.

Сказать определенно, когда был сделан перевод "Ключа разума" на ойратский язык, нельзя. Колофон у рукописи отсутствует, и в списке переводов Зая-пандиты это сочинение не значится, так что скорее всего он сделан позднее.

В ойратском названии — "Oyoun tülküür kemëkü touji-

yin sudur orošibo" ("Сутра историй под названием „Ключ разума“) — имя Чингис-хана не упоминается, но перевод начинается фразой: *erdeni boqdošiyin zokdoqson šistar* 'Шастра, сочиненная драгоценным святым', а в конце его стоит заключительная формула: *Сingges boqdoyin nomloqson oyoun tülküür tögüsbei* 'Ключ разума, преподанный святым Чингисом, закончен'.

В рукописных собраниях Ленинграда имеется только одна ойратская рукопись "Ключа разума" и девять монгольских¹.

Все монгольские рукописи очень близки, хотя и отличаются друг от друга. Особняком стоят рукописи В 294 и В 354, в конце которых имеется одинаковый очень большой пропуск. Рукописи С 169₁ и С 169₂ практически идентичны. Только они имеют колофоны, из которых следует, что они были переписаны близ Аларского дацана (в Бурятии): первая — в 1902 г., вторая — в 1901 г. Ближе друг к другу, чем к другим, рукописи С 213, С 298 и С 535, а также С 37 и Н 6.

Отличия между монгольскими рукописями носят в основном орфографический характер: выбор формы падежного суффикса, слитное или раздельное написание его с основой, а иногда и их пропуск, восстановление "скрытого н", написание некоторых слов. Встречаются также отдельные замены слов их синонимами и, наконец, случайные пропуски. На смысл фраз и тем более на содержание текста в целом они не влияют.

Однако все монгольские рукописи "Ключа разума", хранящиеся в Ленинграде, отличаются более существенно и, что важно отметить, одинаково от текста, изданного Ц.Дамдинсурэном². Отличия состоят в первую очередь в пропусках или, напротив, добавлениях целых фраз. Есть, кроме того, многочисленные лексические расхождения — замена некоторых слов другими, часто несинонимичными. Имеются также и некоторые грамматические несовпадения, из которых, правда, только отсутствие связки при конечном именном сказуемом в тексте Ц.Дамдинсурэна встречается регулярно:

... *eb ey-e peng erdem bui* '...мир и согласие — наибольшая мудрость' [С 213, 2а]³,

... *tübsin vedkil peng erdem*: 'спокойная душа — наибольшая мудрость' [З.б., с. 51].

Ойратский текст во многом оказался ближе к тексту

¹ Монгольские рукописи — шифры С 169₁ и С 169₂ (Библиотека восточного факультета ЛГУ), В 294, В 354, С 37, С 213, С 298, С 535, Н 6 (Рукописный отдел ЛО ИВ АН СССР); ойратская рукопись — шифр В 158 (Рукописный отдел ЛО ИВ АН СССР).

² При составлении своего текста Ц.Дамдинсурэн пользовался пятью рукописями и двумя ксилографами "Оуун тülкigür"; таким образом, его текст, по-видимому, является сводным [6, с. 58].

³ При ссылке на источник указываются шифр рукописи и страница. Текст, изданный Ц.Дамдинсурэном, обозначается буквами "З.б." (зуун билэг "сто образцов").

Ц.Дамдинсурэна, чем к ленинградским рукописям. Так, например, и в ойратской рукописи, и в тексте Ц.Дамдинсурэна имеются восемь фраз, отсутствующих в монгольских рукописях. Все они удачно сочетаются с окружающим текстом, и ни про одну из них нельзя сказать, что она выгладит позднейшим включением. Например, одна из них удачно дополняет три других высказывания, построенные по той же схеме:

saĳin-du dura ūgei sakiltan-ēce
 sayin sūzūqtū kümün dēre gelei:
 tōrō ūlū medekū had-ēce
 tūbšin sayin tūšimel dērē gelei:
 icūūri ūlū medeqči xatun-ēce
 icūūri medeqči šileqčin dēre gelei:
 xatγalĳi ūlū čidaxu kūböün-ēce
 kilimĳitū bōl dēre gelei:

'Хороший, благочестивый мирянин лучше,
 чем монах, не любящий религию, — говорят.
 Прилежный, хороший чиновник лучше,
 чем ханы, не знающие государственных [законов], —
 говорят.

Стыд знающая служанка лучше,
 чем стыда не знающая ханша, — говорят.
 Прилежный раб лучше,
 чем сын, не могущий охранить, — говорят'

[В 158, 6а-6б].

Третья фраза во всех монгольских рукописях из ленинградских коллекций отсутствует.

В другом случае пропуск в ойратской рукописи и в тексте Ц.Дамдинсурэна второй части фразы, имеющейся в остальных монгольских рукописях, делает предложение бессмысленным:

qoraṭan qola oyir-a geĳū ūgei bisiū [iredū mese-yi
 beyen-ece buu qoladyul] 'Враг далеко, близко ли, есть
 или нет, [острый меч от себя не отдаляй]' |С 213, 5а|.

Наличие одинакового существенного пропуска в ойратском тексте и тексте Ц.Дамдинсурэна свидетельствует об их близости.

Кроме того, ойратскую рукопись и текст Ц.Дамдинсурэна сближает большое число лексических соответствий, а также регулярное отсутствие связи при именном сказуемом.

Однако говорить о полном сходстве этих текстов нельзя. В тексте, опубликованном Ц.Дамдинсурэном, нет пяти фраз, которые есть и в ойратской рукописи, и во всех монгольских, причем они не ощущаются лишними. И наоборот, в тексте Ц.Дамдинсурэна вставлены две фразы, отсутствующие в ойратской и монгольских рукописях. Кроме того, число лексических соответствий между ойратской и монгольской рукописями достаточно велико.

Таким образом, среди имеющихся монгольских текстов нельзя определенно выделить тот, с которого мог быть

сделан ойратский перевод. В большей или меньшей степени ойратская рукопись отличается как от всех монгольских, так и от текста, изданного Ц.Дамдинсурэн, хотя и стоит несколько ближе к последнему.

Рассмотрим теперь особенности самого ойратского перевода, которые отличают его от всех монгольских текстов, имевшихся в нашем распоряжении.

Ойратская рукопись написана очень красивым почерком и аккуратно; в то же время она содержит немало ошибок. Часть из них могла появиться при переводе с монгольского из-за неправильного прочтения полифонных букв или непонимания монгольского слова, другие, скорее, являются ошибками небрежных переписчиков, которые могли перепутать буквы, схожие по написанию, или написать стоящие рядом буквы в другом порядке. В результате в отдельных случаях монгольские слова превратились в бессмысленный набор букв, например: öküdiyēn [В 158, 20а] вместо nō-kūd-yēn 'своих друзей', baq ba [В. 158, 26] вместо bam-bai 'шит', yōkü [В 158, 6а] вместо yeke 'большой', tūb-tū [В 158, 20б] вместо tib-tū 'в стране', boqdosadiyin [В 158, 10б] вместо boqdo sayid-yin 'достопочтенных министров', хара сааи [В 158, 19б] вместо харадай 'ласточка'.

Значительно чаще в ойратском тексте вместо слова, употребленного в монгольском, появляется другое слово, близкое к нему по написанию, но имеющее совершенно другое значение. Иногда такая замена делает предложение бессмысленным, и тогда ошибка налицо, но в некоторых случаях смысл может просто измениться, и тогда вопрос о случайности или умышленности замены остается неясным. Однако четко провести грань между этими двумя случаями трудно.

В следующих примерах ошибочно употребленное ойратское слово ведет к потере смысла всей фразы:

монг. *get erdem qoyari ilγaji* 'различая грех и добродетель' [С 213, 8б],

ойр. *keni erdem ilγaji* 'различая, чья добродетель' [В 158, 18б];

монг. *γigürten-ü qaγan karudi naran γarqu-yi taγalaqu: maγu qar-a eliy-e börii bolqu-yi küsekü* 'Хан пернатых Гаруда любит восход солнца, злой черный ястреб желает наступления темноты' [З.б., с. 57],

ойр. *γigürteni xan xan karudi nere xaxayiyigi daxaxu: γiçi mou хара elei boro boqşorγoyigi daxaxu*: 'Хан пернатых — хан Гаруда преследует видение имени, злой черный ястреб преследует серую птичку' [В 158, 18а];

монг. *teneg arad ičikü metü tegün-ece ütürken γayila* 'Быстро отстранись от глупых аратов, которых стыдятся' [С 213, 3а],

ойр. *taqхай arad ičikü metü töün-ēce erteken zayila* 'Рано отстранись от ленивых аратов, которых стыдятся' [В 158, 5б];

монг. *eb eye бүтүгед күчүн nememüi* 'Создав мир и согласие, силу увеличишь' [С 213, 3б],

ойр. *eyi бүгүдэдүи күсү неметүи* 'Но всему согласию силу прибавишь' [В 158, 6а];

монг. *noyad-un gegen-i üjel ügei törö yosu kelegçi* 'Говорящий о законе, не видя высших из *нойонов*' [С 213, 6а],
ойр. *oyouin gegen daxal ügei törö yosu ekelegçi* 'Начинающий законы, не следуя высшему разуму' [В 158, 126].

В следующих примерах можно, пожалуй, говорить не об искажении или потере, а об изменении смысла:

монг. *qari yajar arу-a čidal-iyan kičiyen bikilkü ke-reg-tei bui*: 'Необходимо старательно крепить свои *уловки* и силу в чужой земле' [С 213, 36],

ойр. *xari-yin yazar nere čidali bekele* 'Крепи имя и силу в чужой земле' [В 158, 6а];

монг. *qatun kümün-ü arban tabun erdem-ün dotor-a sayiqan ayali neng erdem bui*: 'Среди пятнадцати мудростей ханши наибольшая *мудрость* — прекрасный *край*' [С 213, 2а],

ойр. *xatun kümün-ni arban tabun erdem dotoro sayixan ayili neng erkem*: 'Среди пятнадцати мудростей ханши наиболее *ценна* прекрасная *семья*' [В 158, 3а].

В ойратской рукописи, записанной "ясным письмом", разумеется, сделаны все фонетические и грамматические изменения, требуемые нормами ойратского литературного языка. На них мы останавливаться не будем. Отметим только, что в двух случаях переводчик под влиянием старописьменного монгольского языка употребил странную форму и написал *ulus-youуān* 'свой народ' [В 158, 14а] и *eke-youуān* 'свою мать' [В 158, 156] там, где в ойратском должно было бы быть соответственно *ulus-yēn* и *eke-bēn* (ср. в монгольском оригинале: *albatu-yuуān* 'своих подданных' [С 535, 8а] и *eke-yuуān* 'свою мать' [С 535, 86]).

Однако в ойратском тексте имеются некоторые другие неоднократно повторяющиеся отклонения от монгольского текста. Практически каждое второе предложение в каком-то отношении не соответствует монгольскому оригиналу. Остановимся сначала на грамматических отличиях, число которых в общей массе невелико.

1. В ойратском тексте прямое дополнение реже, чем в монгольском, бывает оформлено показателем винительного падежа, т.е. чаще остается неоформленным:

монг. *qoqovi činar-i oluуsan blaм-a-yi taki* 'Оказывай почтение ламе, обретшему *пустоту*' [3.6., с. 56],

ойр. *qoqov činar oloqsan blamayigi taki*: 'Оказывай почтение ламе, обретшему *пустоту*' [В 158, 166];

монг. *asidayin amur jiryal-i oloy-a geküle* 'Если сказал: „Обрету-ка вечное *счастье*...“' [С 213, 6а-6б],

ойр. *ašidayin amur jiryalang olxu gebēsü* 'Если сказал: „Обрету вечное *счастье*...“' [В 158, 13а].

2. В ойратском тексте реже, чем в монгольском, употребляется притяжательная частица при прямом дополнении. Она либо просто опускается, либо заменяется показателем винительного падежа:

монг. *aуdam sulan jirуay-a geküle*: *уу-е-бен кеčiy-е* 'Если [вы] говорите: „Широко и свободно будем радоваться“, позаботьтесь о своем согласии' [С 535, 1а],

ойр. uuĵim sula ĵirĵaya gekülē: *eb eyē kicē* 'Если [вы] говорите: „Широко и свободно будем радоваться“, по-заботьтесь о *мире и согласии*' [В 158, 1а].

монг. аууа күчүн-йен уекедкеу-е geküle: *ġerig-iyen asara*: 'Если [вы] говорите: „Увеличим свою мощь“, воспитайте *своих воинов*' [С 535, 1а],

ойр. ауи күчү-бән уекедкеуе gekülē: *cerigi asara*: 'Если [вы] говорите: „Увеличим свою мощь“, воспитайте *воинов*' [В 158, 1а].

3. Монгольское причастие деятеля на -үчи в ойратском тексте часто заменяется причастием прошедшего (-qсан) или будущего времени (-ху):

монг. suryal-dur ülü *oroĵci* kümüni gesegebesü ulam qoyitu-dayan tusa bui-ĵ-а 'Если обуздать человека, не *постигшего* учение, в будущем польза будет' [С 213, 56],

ойр. suryāli-du ülü *oroĵi* kümüni gebesü [gesebēsü] ulam xoyito-dān tusa bui: 'Если обуздать человека, не *постигшего* учение, в будущем польза будет' [В 158, 11а];

монг. nigen ĵang-iyar kimaу-а-tai *yabuĵġn-i* qayir-labasu... 'Если любить *поступающих* неизменно и осторожно...' [С 213, 56-6а],

ойр. nigen zang-yer kimaуān-tai *yabuqvanı* xayirlabā-su... 'Если любить *поступающих* неизменно и осторожно...' [В 158, 116].

Если же в ойратском тексте встречается причастие на -qci, то оно чаще будет употреблено без определяемого:

монг. suryali sonosqu űgei böged ĵaуca kü cadqu-yi *küsegci* kümün üsü űgei-ece bisi ĵaqai-dur adali 'Человек, не слушающий поучения и единственно *стремящийся* насытиться, схож со свиньей, кроме того, что у него нет щетины' [С 213, 7а],

ойр. suryāli sonosxu ĵaqca soxoi-gi *küsegci*: üsün űgei-ēce [busu] ĵaqai-du adali '[Тот, кто] слушает поучения и единственно *стремится* насытиться, схож со свиньей, кроме того, что у него нет щетины' [В 158, 15а].

4. В ойратском тексте вместо bolbasu (форма условного деепричастия от глагола болоу 'становиться') во многих случаях употребляется союз böġösü (застывшая форма условного деепричастия от глагола bökü 'быть'):

монг. ülemĵi olan nidü bui *bolbasu* űcükен ĵulayin genel söni-da keregtei bui: *kemegci*-yin űliger anu 'Хотя есть очень много глаз, ночью нужен свет маленькой лампы - [вот] этого пример' [С 298, 6а],

ойр. ülemĵi olon [nidü] bui *böġösü* űcükен zuliyin genel söni-dü kereqtei *kemeqsen* űliger inu: 'Хотя есть очень много глаз, ночью нужен свет маленькой лампы - [вот] этого пример' [В 158, 136].

Кроме вышеуказанных есть и менее регулярные грамматические расхождения. Они касаются послеложного и глагольного управления, оформления финитного и инфинитного сказуемого и некоторых других явлений:

а) послелог adali 'подобный' в ойратском языке управляет соединительным падежом (-луġā), а в монгольском - дательном-местным (-dur):

монг. maγu kümün-dü nigeken čü erdem ügei bolbasu de-
gere-ben sidü-tei-eče bisi *üker-dür adalı* 'Если у плохого
человека нет ни одной мудрости, он *схож с быком*, кроме то-
го, что у него наверху есть зубы' [С 535, 8а],

ойр. mou kümün-dü yaqsačigi erdem ügei bolbāsu yaqsa-
kü tere dēre südü ügei-eče [südü-tei-eče busu] *üker-luγā*
adalı 'Если у плохого человека нет ни одной мудрости,
он *схож с быком*, кроме того, что у него есть верхние зубы'
[В 158, 146-15а].

Однако это правило иногда нарушалось как в ойратском,
так и в монгольском, ср.:

ойр. γaxai-du adalı 'схож со свиньей' [В 158, 15а],

монг. yaqai-luγ-a adalı 'схож со свиньей' [З.б.,
с. 56],

б) послелог dotoro 'внутри' в ойратском языке присо-
единяется к основе слова, а в старописьменном монголь-
ском управляет родительным падежом (-un):

монг. toyin kümün-ü *erdem-ün dotor-a nigülesküi sedkil*
neng erdem bui: 'Среди мудростей монаха наибольшая мудрость -
сострадательная душа' [С 213, 2а],

ойр. toyin kümüni *erdem dotoro nigüleskü sedkil neng*
erkem: 'Среди мудростей монаха наиболее ценна сострадатель-
ная душа' [В 158, 3а-3б],

в) глагол yaдаxu 'не мочь' в ойратском языке управляет
причастием настоящего времени (-ā), а в монгольском -
слитным деепричастием (-n):

монг. yerü yeke *γayayatu-luγa üren yadabasi amin-u ke-*
sig γayilaqu 'Вообще, если не можешь встретиться с теми, у
кого великая судьба, жизненное счастье отдалится' [С 535,
3а],

ойр. yerü yeke *zayātani üzē yadabāsu öbörön kišiq za-*
yilxu: 'Вообще, если не можешь увидеть тех, у кого великая
судьба, собственное счастье отдалится' [В 158, 4а-4б];

монг. samau maγu beu-e-ben yeke *bodoγad: sayin kü-*
mün-tei üjeγ yadaγad 'Смутный, плохой человек, много о
себе думая, не может встретиться с хорошим человеком'
[С 298, 5а],

ойр. samoun mou kümün beye-bēn yeke *bodōd sayin kü-*
mün üzē yadād 'Смутный, плохой человек, много о себе ду-
мая, не может увидеть хорошего человека' [В 158, 10б],

г) глагол *zayilaхu* 'избегать' в ойратском управляет
основой слова, а в монгольском - исходным падежом (-аса):

монг. *kilince-eče γayilaqu keregtei* 'Необходимо избе-
гать греха' [С 213, 6а],

ойр. *kilince zayilaхu kereqtei*: 'Необходимо избегать
греха' [В 158, 12б],

д) глагол *xaldaхu* 'приставать' в ойратском управляет
соединительным (-luγā), а в монгольском - дательным-мест-
ным падежом (-dur):

монг. *yekes-tür qaldabasu...* 'Если к великим лнуть...' [С 535, 4б],

ойр. *yekes-luγā xaldabāsu...* 'Если к великим лнуть...' [В 158, 7а],

е) в ойратском и в монгольском текстах может встретиться различное оформление финитного и инфинитного сказуемого, не нарушающее смысла фразы:

монг. *ičigüri gem-tü yabudali idqaju orkiytun* 'Постыдные, вредные деяния не позволяя [себе], отбросьте' [З.б., с. 51],

ойр. *icüüri gemtü yabudali idxaji orki:* 'Постыдные, вредные деяния не позволяя [себе], отбросьте' [В 158, 16-2а];

монг. *kerbe ese surbaču...* 'Если не учиться...' [С 535, 9а],

ойр. *ese surabäsu...* 'Если не учиться...' [В 158, 16а];

монг. *töb yekes-ün jirum-i daqaju yabubavi tümen-i türügü bolqu:* 'Если будешь следовать правилам великих, станешь предводителем тумена (десяти тысяч)' [С 213, 36],

ойр. *töb yekešiyin zurami daxaji:* *tümeni ekelekü:* 'Следуя правилам великих, возглавишь тумен (десять тысяч)' [В 158, 6а];

монг. *qamuq amitan-i yaqca kübegün metü qayiralan suraju ečige metü avar-g eke metü tejiy-e: jasaq čayača-yi nom-un yosuvar bariju sayin arad-dur öglige-ben küртеgejü üile-ben jakirya-a: olan amitan-u tusa-yi sanaju jokiyän töröl törögsen-iyen amurtala küргеgtün:* 'Всех живых существ любовно обучай подобно единственному сыну, подобно отцу воспитывай, корми подобно матери, делами управляй, согласуя правление и законы с законом Учения, достаивая хороших аратов своим подаянием; заботься о пользе живых существ; в своем рождении достигни покоя' [С 213, 16],

ойр. *xamıq amitani yaqca küböün metü xayırlan surajı: ečige metü avarajı eke metü tezēji zasaq cājiyigi nomı-yin yosu-bēr barıldoulji sayid [sayın] aradtu ögligö öqci oloni jakirajı: olon amitani tusa jırlayaqtu [jıryalangtu] zokōji: törölni engke amur küргеqten:*

'Всех живых существ любовно обучай подобно единственному сыну, подобно отцу воспитывай, корми подобно матери; управляй многими, согласуя правление и законы с законом Учения, давая хорошим аратам подаяние; заботься о пользе всех живых существ; достигни в своем рождении вечного покоя' [В 158, 2а-2б],

ж) в одном случае послелого в монгольском языке соответствует падеж в ойратском:

монг. *kümün-i niyur-degere maıtaıad* 'Человека в лицо хваля...' [С 213, 5б],

ойр. *ilete nıır-tü maqtād* 'Явно, в лицо хваля...' [В 158, 11а],

з) в ойратском тексте один раз пропущено числительное хоуг 'два', после сочинительного словосочетания:

монг. *čiti qoni qouar-i nigen onğyoča-du usuluqu metü* 'Подобно тому как (человек) напоят из одного корыта волка и овцу' [С 213, 8а],

ойр. *čino xoni nigen onğyocodu usulxu* '(Человек) напоят из одного корыта волка и овцу' [В 158, 17б].

Из всех перечисленных выше отличий двух текстов только в управлении при послелого *adali* несомненно проявилось влияние западномонгольских диалектов, так как в современном калмыцком *адл* 'подобный' также управляет соединительным падежом, в отличие от современного монгольского, где *адл* 'подобный' требует дательного-местного падежа. Замена причастия на *-үсi* причастиями прошедшего и будущего времени, а также употребление его без определяемого, по-видимому, связаны с общим развитием монгольских языков. Сфера употребления причастия с суффиксом *-үсi* постепенно сужалась, и в современных монгольских языках этот суффикс рассматривается как словообразовательный. Остальные грамматические несоответствия не могут быть объяснены ни одной из двух указанных причин. Например, и в современном калмыцком, и в современном монгольском глагол *ядх/ядах* 'не мочь' управляет соединительным деепричастием точно так же, как в старописьменном монгольском.

Кроме грамматических между ойратским и монгольским текстами имеются лексические расхождения. При переводе некоторые монгольские слова были заменены другими, либо синонимичными, либо близкими по значению. Необходимо отметить, что слова, употребленные в переводе, не являются специфически ойратскими:

Ойратский		Монгольский	
arad-tu	'аратам' [В 158, 6б]	kümün-dü	'людям' [С 213, 3б]
eyetei	'с согласием' [В 158, 7б]	eb-tei	'с миром' [С 213, 4а]
xān küböün	'ханский сын' [В 158, 14а]	noyan kümün	'нойон-человек' [С 213, 6б]
küsel	'желание' [В 158, 11б]	kügčiel	'поощрение' [С 535, 6б]
noyodiyin	'нойонов' [В 158, 13а]	eјed-ün	'хозяев' [С 213, 6б]
köüked	'дети' [В 158, 13а]	boјol	'раб' [С 213, 6б]
јiryalang	'счастье' [В 158, 13а]	јiryal	'счастье' [С 213, 6б]
ulus	'народ' [В 158, 14а]	albatu	'поданные' [С 535, 8а]
ögöüle	'говори' [В 158, 5а]	kele	'говори' [С 535, 3а]
ögči	'давая' [В 158, 2б]	kürtegeјü	'удостаивая' [С 213, 1а]
tebči	'отбрось' [В 158, 10б]	talbi	'оставь' [С 298, 5а]
örgüјi	'возвышая' [В 158, 5б]	tedkübele	'если возвышать' [С 298, 3а]

bü tacā	'не возжелай' [В 158, 9а]	buu qurica	'не возжелай' [В 213, 4б]
zayilxu	'избегать' [В 158, 17а]	ayuqu	'бояться' [С 213, 8а]
surbacu	'хотя научится' [В 158, 4а]	tegüsbečü	'хотя преиспол- нится' [С 535, 3а]
batuluqsan	'укрепляет' [В 158, 14а]	bikilekü	'укрепляет' [С 213, 6б]
yabuqsan	'идуший' [В 158, 8а]	bayiysan	'находивший- ся' [С 213, 4а]
ötör	'быстро' [В 158, 7б]	türgen	'быстро' [С 535, 4б]
xamai ügei	'чуждый' [В 158, 7а]	tusa ügei	'беспользый' [С 213, 4а]
daxal ügei	'не следуя' [В 158, 12б]	üjel ügei	'не видя' [С 213, 6а]
yaqsačigi	'единственной' [В 158, 14б]	nigeken čü	'одной хотя бы' [С 213, 7а]
ürgülji dalai	'сплошное море' [В 158, 17б]	yeke dalai	'большое море' [С 213, 8а]
öbörön kišiq	'свое счастье' [В 158, 4б]	amin-u kesig	'счастье жиз- ни' [С 535, 3а]
ürgülji yabuji	'долго идя' [В 158, 4б]	ürgülji qanilan	'долго дружа' [С 213, 2б]

Иногда при переводе менялись не отдельные слова, а целые конструкции. Не исключено, что ойратский переводчик таким образом пытался упростить монгольский оригинал, сделать не вполне ясное ему построение предложения более понятным:

монг. kedüi kedün jil-ün kereg-i nige edür-ün kereg bolγan kečiyen bodoju... 'Старательно обдумывая дела многих лет, сделал их делом одного дня...' [С 535, 2а],

ойр. kedüi kedün jiliyin keregi nigen ödöriyin kereg metü bodoji... 'Обдумывая дела многих лет подобно делу одного дня...' [В 158, 2б];

монг. maγu kümün-dü olan virγal virγan ĵakiγu buu kele 'Не говори, преподавая много поучений плохим людям' [С 213, 3б],

ойр. mou arad-tu ülemji zakaji bü kele: 'Не говори, усиленно наставляя плохих аратов' [В 158, 6б];

монг. ariγun yabudal-tu blam-a-yi burγan metü taki 'Добродетельного ламу почитай, как Будду' [С 213, 4б],

ойр. ariun yabudal-tu blamayigi taki 'Почитай добродетельного ламу' [В 158, 8б];

монг. qad noγad... dotor-a-ban qayirlaqu sedkil ügei bolbasu... 'Если ханы и нойоны... в себе не будут иметь милосердной мысли...' [С 213, 2б],

ойр. хād... dotoro-bēn хайрлахи нигүүлескүү игеи бөгд-сү... 'Если ханы... внутри будут без милости и сострадания...' [В 158, 36-4а];

монг. түрген жахур-а қанилаһсан нөкүүр-түү уаһаран буу аһур; ла 'Не сердись поспешно на человека, с которым дружишь недолго' [С 213, 26],

ойр. түрген ханилад бү тoudжа үсүүйкен уoutанду бү uurlа 'Недавно познакомились, не ругай, не сердись по пустякам' [В 158, 46];

монг. abqu ideküi-dür sinuylçayad önggöçi jısır kü-mün vegül iğei-ece биsi noqai-дур адали 'Обликом лживый человек, стремясь к наживе и еде, схож с собакой, кроме того, что у него нет хвоста' [С 213, 7а],

ойр. abxu: ideküyidü sunulcād önggöçi zusar bolbāsu voul iğei noxoi-luyā adali 'Если [человек] пристрастится к еде, обликом станет лжив, то [он] будет схож с бесхвостой собакой' [В 158, 15а].

Наконец, во многих случаях ойратский переводчик сокращает или упрощает текст, выбрасывая из него отдельные слова. В результате ойратский текст оказался менее подробным, менее выразительным и эмоциональным. Например, при переводе часто опускалось одно из двух синонимичных или близких по значению слов.

монг. toyin күмүн 'монах-человек' [С 213, 2а],

ойр. toyid 'монахи' [В 158, 36];

монг. qad nouad 'ханы-нойоны' [С 535, 26],

ойр. хād 'ханы' [В 158, 36];

монг. sayid күмүн-lüge 'с чиновниками-людьми' [З.б., с. 54],

ойр. sayid-luyā 'с чиновниками' [В 158, 9а];

монг. adayusun mal-i 'животные-скот' [С 213, 76],

ойр. aduusuni 'животные' [В 158, 16а];

монг. eb eye 'мир-согласие' [С 535, 4а],

ойр. eye 'согласие' [В 158, 36];

монг. töröl törögsön-iyen 'свое рождение-рождение' [С 535, 2а],

ойр. töröl-ni 'рождение' [В 158, 26];

монг. аүйи yeke 'великий-большой' [С 535, 66],

ойр. axui [ayui] 'великий' [В 158, 12а];

монг. үсүүкен бау-а 'маленький-маленький' [С 535, 46],

ойр. үсүүкен 'маленький' [В 158, 9а];

монг. ецүс qoyitu-dur 'в конце-будущем' [С 535, 56],

ойр. ецүстү 'в конце' [В 158, 86];

монг. ецүс qoyitu-dur 'в конце-будущем' [С 213, 9а],

ойр. хойитуйн 'будущий' [В 158, 20а];

монг. tengsejü mede 'исследуя-узнай' [С 535, 56],

ойр. tengse 'исследуй' [В 158, 96];

монг. танијү қанилан 'познакомившись-подружившись' [С 535, 5а],

ойр. ханилан 'познакомившись' [В 158, 86].

Иногда опускалось одно из двух однородных определений при существительном:

монг. төб yeke sedkil 'основная, главная мысль' [С 535, 3а],

ойр. *töb sedkel* 'основная мысль' [В 158, 4а];
монг. *bardam qataγu üge-yi* 'хвастливые жестокие слова' [С 213, 46],

ойр. *bardam ügeši* 'хвастливые слова' [В 158, 86];
монг. *qotosi sayin noqai* 'сторожевая хорошая собака' [С 213, 8а],

ойр. *xotoši noxoi* 'сторожевая собака' [В 158, 17а];
монг. *ulam sayiqan öngge* 'более прекрасный цвет' [С 213, 86],

ойр. *sayıxaп önggö* 'прекрасный цвет' [В 158, 19а];
монг. *qalamjital sayin boγul* 'прилежный хороший раб' [С 213, 36],

ойр. *kilimjitu böi* 'прилежный раб' [В 158, 66].

Иногда бывает, что в ойратском переводе опущено и единственное имевшееся в монгольском определении или, напротив, опущено определяемое (например, *sayin üge* 'хорошие слова' вместо '*sayin nöküγ-ün üge* 'слова хорошего друга'), но в обоих случаях общая идея фразы сохраняется, хотя смысл может несколько измениться.

монг. *ünenkü üge-ben ülü sonosoqu maγu kümün-dü oлон surγal surγaju buu jaki* 'Не объясняй много поучений *плохому* человеку, который *правдивые* слова не слушает' [С 213, 3а],

ойр. *ügebēn ülü sonosxu kümün-dü oлон surγal bu zaki* 'Не объясняй много поучений *человеку*, который *слова* не слушает' [В 158, 5а];

монг. *degedü blam-a γurban erdeni-dür itegemüi* 'Верю *высшим ламам* и трем драгоценностям' [З.б., с. 51],

ойр. *blama γurban erdenidü itegemüi* 'Верю *ламам* и трем драгоценностям' [В 158, 16];

монг. *yerü erdenitü kümün-ü töröl-i oluγsan-u tula* 'Ради обретения рождения простым *драгоценным* человеком...' [С 213, 76],

ойр. *yerü kümüni töröl oluγsan tula* 'Ради обретения рождения простым *человеком*...' [В 158, 16а];

монг. *sayin kümün-ü üge-yi ülü itegekü* 'Не верят *словам хороших* людей' [С 298, 2а],

ойр. *sayin kümüni ülü itegekü* 'Хорошим *людям* не верят' [В 158, 3а];

монг. *aldar ner-e qamiγ-a řu aldarsimui* '...*славное* имя повсюду прославится' [З.б., с. 52],

ойр. ...*aldar xamiγa aldarsixu*: '...*слава* повсюду прославится' [В 158, 186];

монг. *türgen řayur-a qanilaγsan* '*кратковременно* знакомый' [С 213, 26],

ойр. *türgen xanilād* '*быстро* познакомившись' [В 158, 46];

монг. *bisud-un tusa-dü beye-ben orki* 'Отдай свое тело на *пользу* другим' [С 213, 56],

ойр. *bisudtu beye-bēn orki* 'Отдай свое тело *другим*' [В 158, 106];

монг. *ünen-iyer barilduγsan sayin nöküγ-ün üge-yi ükütele bu marta* 'До смерти не забывайте *слова* правдивого, *хорошего* друга' [С 535, 36],

ойр. *ünen-yēr barilduγsan sayin üge ükütele bu marta*

'До смерти не забывайте правдивые, хорошие слова' [В 158, 5а];

монг. *erdenitü kümün-ü töröl-ni oluqsan-u tula* 'Ради обретения рожденья драгоценным человеком...' [С 213, 76],

ойр. *erdenitü töröl oluqsan bayitala* 'Пока не обрел драгоценного рожденья...' [В 158, 16а-16б].

Несколько реже, чем определение или определяемое, может опускаться прямое дополнение или обстоятельство образа действия, что также не ведет к потере общего смысла, хотя конкретность высказывания теряется, например:

монг. *erdem vuraqu ügei böged* 'Не изучая науки...' [С 213, 86],

ойр. *suraxi ügei bögdösü* 'Если не учиться...' [В 158, 186];

монг. *uċir ülü medekü* мау күмүн 'Не знающий причины, плохой человек' [С 213, 3б],

ойр. *ülü medekü mungxaq күмүн* 'Незнающий, глупый человек' [В 158, 7а];

монг. *qara-tai күмүн-lüge üge биi jöble* 'С завистливым человеком не обсуждай слова' [С 213, 3а],

ойр. *haratai күмүн-luqā bü zoblö* 'С завистливым человеком не советуйся' [В 158, 5а];

монг. *ünegен arslan metu yabubasu türген үкүмii* 'Лиса, если будет поступать подобно льву, быстро умрет' [С 213, 4а],

ойр. *ünegен arslan metu yabubāsu үкүкii* 'Лиса, если будет поступать подобно льву, умрет' [В 158, 7б];

монг. *üile-ben үргүлji sinjigtün* 'Постоянно исследуй свои поступки' [С 213, 6а],

ойр. *üyile-bēn sinjileqten* 'Исследуй свои поступки' [В 158, 12а].

В ойратском переводе четко прослеживается тенденция к сокращению монгольского оригинала. Однако в пяти случаях встретилось обратное явление: к двум словам ойратский переводчик добавил от себя определение и к трем — близкое по значению слово:

монг. *erdem* 'мудрость' [С 213, 8б],

ойр. *suruqasan erdem* 'постигнутая мудрость' [В 158, 186];

монг. *üges-i* 'слова' [С 213, 9а],

ойр. *sayin ügeši* 'хорошие слова' [В 158, 20а];

монг. *degedüs-ün* 'высших' [С 213, 2а],

ойр. *dēdü yekešiün* 'высших-высоких' [В 158, 26];

монг. *tangqai* 'ленивые' [З.б., с. 57],

ойр. *tangxai mou* 'ленивый-плохой' [В 158, 17б];

монг. *keċiu-e* 'старайся' [С 213, 3б],

ойр. *kiċēn jiyā* 'стараясь, наставляй' [В 158, 6а].

Таким образом бесспорно, что ойратский перевод "Ключа разума" — это плод самостоятельной переводческой работы, а не простое "переложение" со старописьменного монгольского языка на ойратский. Можно также с уверенностью сказать, что переводчик не ставил своей целью приблизить перевод к разговорному языку западных монголов. Сознательно или бессознательно он старался упрощ-

тить монгольский текст, в результате чего ойратский перевод оказался менее эмоциональным и выразительным. Ошибки (или в некоторых случаях умышленные замены слов) в ойратском тексте делают его местами менее понятным и стройным, чем монгольский. Одна из причин этого, возможно, в том, что монгольский текст, который имел в своем распоряжении ойратский переводчик, был очень невысокого качества (например, нечетко написанный). Слова или формы, которые были ему непонятны, он либо пытался транскрибировать, либо заменял подходящими, с его точки зрения, по смыслу словами, не исключено, что он мог и опускать непонятные слова. Однако не все случаи упрощения и несоответствия могут быть объяснены таким образом.

1. *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын тойм. Улаанбаатар, 1957.
2. *Михайлов Г.И.* Литературное наследие монголов. М., 1969.
3. *Подгорбунский И.А.* Буддизм, его история и основные положения его учения. — Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1900, № 4.
4. *Позднеев А.М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. — Издания факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1900, № 7.
5. *Попов А.* Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Казань, 1836.
6. *Damdinsüren С.* Mongγol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orosi-bai. Улаанбаатар, 1959.